

Юноша перед ним выглядел несколько раздосадованным:

— Но сам знаешь, у меня нет денег. Твои расходы мне не потянуть...

Цинь Хэнчжи сиял от радости:

— Братец, не беспокойся, я буду обеспечивать тебя! Хотя до конца жизни буду содержать, и то справлюсь!

Шэнь Цяо, до этого рассеянно слушавший их воспоминания о прошлом, внезапно услышал слова о гладиаторе... то есть, о главе Торговой палаты Сучжоу. Не веря своим ушам, он широко раскрыл глаза, обменялся взглядами с Цзин Мином, и оба застыли от потрясения, после чего дрожащими голосами переспросили:

Цзин Мин:

— Погоди-ка, глава Торговой палаты Сучжоу? Тот самый, о котором ходят легенды?

Шэнь Цяо:

— Легенды гласят, что его богатство сопоставимо с казной целого государства, и в его руках сосредоточена едва ли не треть торговых путей Великой Ци?

Цзин Мин:

— С чего это я помню, что у главы Торговой палаты Сучжоу двойная фамилия — Шангуань?..

Цинь Хэнчжи легко улыбнулся и послушно ответил:

— У моей биологической матери была двойная фамилия Шангуань. Когда я прибыл в Сучжоу, то стал носить её фамилию, а личное моё имя состоит из одного иероглифа «Сы» — Шангуань Сы.

Медицинский чемоданчик в руке Цзин Мина с грохотом рухнул на землю, издав глухой стук. Уставившись на Цинь Няньчжи, он скрежетал зубами от злости:

— Ах ты ж елки-палки! богатейший человек Сучжоу — твой родной младший брат, а у тебя хватает наглости задерживать моё жалованье лекаря! Верни долг!

Глава 33. Прошное (1)

К счастью, весточка от Чжоу Сы подоспела вовремя. Лишь благодаря этому Цинь Няньчжи удалось выскользнуть из ловушки, иначе он всерьёз опасался, что Цзин Мин рассвирепеет прямо на месте и устроит ему знатную трёпку.

Они шли плечом к плечу по извилистым тропинкам Далисы, непринуждённо болтая о том о сём.

— Братец, ты что, и правда так сильно нуждаешься в деньгах? Зачем задолжал господину Цзину за лечение?

— Всё потому, что он отказывается... — делать для меня Пилюлю Обращения.

Цинь Няньчжи проглотил вторую половину фразы:

— Я беден, у меня нет денег ему платить.

Довольная улыбка разлилась по груди Цинь Хэнчжи, и в его взгляде, украдкой брошенном на старшего брата, плескалось нежное, неукротимое тепло.

— Пока я рядом, разве братец может бедствовать? Всё, что принадлежит мне, принадлежит и брату. Я с радостью стану кошельком братца, бери сколько душе угодно.

Все эти годы братец упорно не желал видаться со мной и не ответил ни на одно моё письмо. Если бы на этот раз я случайно не узнал новости и не примчался сюда, неужели я бы даже не смог выпить с тобой свадебного вина?

Цинь Няньчжи даже не удостоил его взглядом:

— Я вообще-то собирался отправить тебе свадебное приглашение, но не успел — меня подставили, и всё сорвалось.

Цинь Хэнчжи помолчал немного, но всё же задал вопрос:

— Братец, ты ведь так умён. На самом деле ты догадался обо всём уже давно, верно? Именно поэтому ты не хотел сближаться со мной и поспешил отправить меня подальше.

Ты всё ещё не можешь простить меня? Только за то, что я убил эту ядовитую тварь? Но ведь она хотела погубить нас обоих, я лишь защищал свою жизнь.

Заметив, что лицо юноши остаётся спокойным и в нём нет ни капли обиды, Цинь Хэнчжи вздохнул с глубокой печалью.

— Или дело в том, что я убил твоего долгожданного кровного младшего брата?

Братец, как ты можешь быть таким жадным? Разве тебе мало меня одного в качестве младшего брата? Разве могло родиться что-то хорошее в утробе этой змеи?

Конечно, не считая братца, разумеется.

Цинь Няньчжи бросил на него холодный взгляд:

— Она заслужила смерть, и раз ты убил её, чтобы отомстить за мать, мне нечего сказать.

Но ребёнок во чреве был невиновен, это был мой младший брат. Он ведь мог выжить, а ты просто позволил ему умереть.

Цинь Хэнчжи на мгновение замер, а затем рассмеялся:

— Ты и правда столько лет дулся на меня из-за этого преждевременно угасшего малыша.

Он был тяжело травмирован в материнской утробе. Даже если бы его жизнь кое-как поддерживали лекарствами, влача жалкое существование, став взрослым, он бы вряд ли смог обходиться без посторонней помощи, оставшись слабоумным калекой.

Это слова самого лекаря Цзин Хуна. Раз так, зачем продолжать взаимные мучения? Уж лучше было позволить ему скорее положить конец своим страданиям и поскорее переродиться в хорошей семье.

Цинь Няньчжи остановился и повернулся к Цинь Хэнчжи:

— Пусть он был бы больным и слабым дурачком, я всё равно был бы готов растить его всю жизнь. Какое ты имел право решать, жить ему или умереть?

И ещё: я никогда не верю в совпадения. Ты что, и вправду слышал слухи и просто случайно примчался сюда?

Цинь Хэнчжи повеселел ещё сильнее:

— Братец и впрямь проницателен. Твоя матушка происходила из богатой сучжоуской семьи, и если тот, кто стоял за кулисами, хотел разыскать кого-то по своим следам, ему неизбежно пришлось бы отправиться в Сучжоу и завязать знакомства с тёмными личностями.

Поэтому ещё месяц назад я знал, что кто-то собирается сыграть против тебя. И я не только не предупредил тебя, но даже нарочно помог ему с поиском людей.

Только я никак не ожидал, что человеческая натура окажется ещё гаже, чем я предполагал: эта госпожа Цзян осмелилась вернуться в поместье Цинь и отравить тебя. Признаю, чуть не погубил тебя, прошу прощения.

Цинь Няньчжи озарился сияющей улыбкой:

— Тебе не за что извиняться, я сам проявил излишнюю беспечность. Между нами никогда и не было отношений взаимопомощи.

Мне лишь любопытно: какова была твоя цель? Ты прекрасно понимаешь, что от поместья Цинь нынче осталась лишь пустая оболочка, там даже слуг почти не осталось.

Имя второго молодого господина из рода Цинь и близко не сравнится по силе с именем Шангуань Няня, богатейшего человека Сучжоу.

В глазах Цинь Хэнчжи промелькнула глубокая, переполненная сложными эмоциями тьма:

— Я знаю, что братец никогда не любил меня, но ведь ты никогда и не причинял мне вреда.

Моя же цель проста: чем сильнее братец меня не любит, чем сильнее стремится откреститься от меня, тем сильнее мне хочется, чтобы весь мир знал: между нами существует неразрывная, неотделимая кровная связь.

Родителей больше нет, а значит, мы с тобой самые близкие люди на свете, не так ли?
Сестрёнка!

Слово «сестрёнка» прозвучало нежным шёпотом влюбленного, но для Цинь Няньчжи оно прозвучало как удар пяти молний.

— Ты...

Увидев, как изменилось лицо юноши, в чьих глазах читался редчайший шок и растерянность, Цинь Хэнчжи весело рассмеялся.

Сделав шаг вперёд, он сократил расстояние между ними:

— Братец, не бойся, теперь мы в одной лодке, и я помогу тебе сохранить этот секрет.

Только вот братец должен относиться ко мне помягче, а не то, если младший брат сгоряча сболтнет что-нибудь лишнее... Тц, вот тогда будут проблемы...

Цинь Няньчжи презрительно усмехнулся, отступил на шаг, взмахнул запястьем и резко вlepил пощёчину.

— Плёт!

Звук удара был звонким и чётким, в него была вложена вся сила. На левой щеке Цинь Хэнчжи тут же проступил чёткий, покрасневший и припухший след от пяти пальцев.

Следовавшие на расстоянии стражники испуганно ахнули и торопливо опустили головы, не смея ни подгонять, ни тем более приближаться.

Цинь Няньчжи был невероятно хорош собой, его утончённое лицо ярко сияло в лучах полуденного солнца, а улыбка была одновременно дерзкой и злой.

— Не нужно мне твоё сохранение секретов. Какой я человек — кому, как не тебе, знать?

Мне давно осточертело жить. А вот ты — сам напросился: в раю есть дорога, да ты не пошёл, в аду нет дверей, так ты сам явился.

Когда я совершу преступление, караемое истреблением девяти родов, интересно, хватит ли твоих несметных богатств, чтобы купить твою никчёмную шкурку!

Цинь Хэнчжи ни капли не рассердился, лишь склонил голову набок, словно с облегчением выдохнув:

— Вот именно, братец, жизнь твоего младшего брата висит на волоске от твоего единого решения, так что умоляю, не совершай глупостей.

Внезапно, словно искра при ударе кремня, до Цинь Няньчжи дошло: все те совпадения, что преследовали его последние годы, теперь неувовимо сплетались в единый узор...

В этот критический момент Евнух Юаньбао внезапно подал голос, прервав его раздумья:

— Ой, господин Цинь, почему вы всё ещё здесь? Ай, второй молодой господин Цинь, что у вас с лицом?

Цинь Хэнчжи не придавал этому особого значения:

— Всё моя вина, сболтнул лишнего и разгневал братца, вот и получил урок. Не мог бы евнух раздобыть для меня немного льда, чтобы снять отёк?

— Ко... конечно, могу.

Евнух Юаньбао украдкой покосился на Цинь Хэнчжи. Он никак не ожидал, что такой мягкий и вежливый господин Цинь способен применить грубую силу к собственному младшему брату.

Вспомнив, что император всё ещё ждёт их аудиенции, евнух поспешно спрятал неуместное любопытство:

— Ваша милость, поторопитесь, нельзя заставлять императора ждать.

Глава 34. Прошное (2)

Выслушав доклад Евнуха Юаньбао, Император Сюаньхэ слегка нахмурил брови, его пальцы, перебиравшие чётки из бирюзы, на мгновение замерли.

— Няньчжи распустил руки? Почему?

Евнух Юаньбао почтительно склонил голову:

— Сопровождавшие стражники держались на почтительном расстоянии и не расслышали их беседы, да и выглядели они так, будто вовсе не ссорились.

А вот Цзян Дэфу лишь с досадой взмахнул метелкой из конского хвоста:

— Раз уж даже такого добродушного и мягкого человека, как господин Цинь, довели до того, что он пустил в ход кулаки, этот второй Цинь явно нечист на руку.

Уголки губ Императора Сюаньхэ чуть приподнялись, и улыбка пробилась из-под бровей:

— Он-то с виду мягкий, а на деле у него душонка чертовски вредная! Кто его обидит — живым не уйдёт.

Небось даже старый пень Байли Хань попался в его сети, сейчас, небось, тащится во дворец нагоняй получать.

Ладно, позови Цинь Няньчжи ко мне, а второго Циня отправь в боковую комнату подождать, и принеси ему льда, пусть приложит к щеке.

Евнух Юаньбао тихонько отозвался и удалился.

Цзян Дэфу предпочёл сделать вид, что ничего не понял — император явно был в отличном расположении духа.

Вскоре Цинь Няньчжи перешагнул порог и с порога же поинтересовался:

— Ваше Величество, пока меня не было, старый князь не куролесил?

— Ха, если говорить о тех, кто умеет куролесить, кто с тобой сравнится? — тон Императора Сюаньхэ оставался ровным, по нему было невозможно понять, зол он или доволен.

Цзян Дэфу обладал завидной проницательностью: он бесшумно ретировался, оставив кабинет наедине для этих двоих правителя и подданного.

Император неспешно приблизился к нему. Фигура у императора была мощной и статной, от природы веяло властной мужественностью, и когда он смотрел на собеседника сверху вниз, в этом взгляде чувствовалось подавляющее превосходство над всем миром.

Цинь Няньчжи хоть и был высок ростом, всё же уступал ему целую голову. Когда он задира голову, чтобы встретиться с ним взглядом, в этом жесте невольно проступала ребячливая наивность.

— Даже сейчас ты, Няньчжи, по-прежнему не хочешь рассказать Пятому брату правду? То, что вы сегодня сочинили, на первый взгляд кажется безупречным, но при ближайшем рассмотрении разваливается.

Какой же секрет скрывает ваше семейство Цинь? Неужели твоя матушка и вправду сорвала злость на тебе из-за проигранной борьбы за фавор? Какова же истинная причина того, что мать раз за разом пыталась убить собственного ребёнка?

И раз уж ты под давлением матери спас второго Циня, то почему услал его так далеко и столько лет хранил молчание? Этот шаг меньше всего похож на ненависть, скорее — на спасение от беды!

Няньчжи, что у тебя стряслось? Чего ты в конце концов боишься!

Под градом этих вопросов взгляд юноши оставался чистым и холодным, как вода, он с безмятежной честностью произнёс:

— Пятый брат, о чём-то я говорить не хочу, но и лгать тебе не намерен.

Император погасил сложные и мрачные тени в глазах и протянул руку, притянув его к своему плечу:

— Тогда рассказывай о том, о чём можешь! Я хочу знать!

Цинь Няньчжи вздохнул: он понимал, что сегодня отделаться не удастся.

— Что именно Ваше Величество желает знать?

Император внезапно приказал Цзян Дэфу запрягать коней, а сам закутал Цинь Няньчжи в огромный плащ с головы до ног, не оставив ни единой щелочки.

— Сменим обстановку и потолкуем спокойно.

Крытая повозка из чёрного бамбука медленно остановилась в самом тупике переулка.

Перед старыми киноварными воротами управляющий Цинь лично руководил слугами, оттирая грязь, оставленную разъяренной толпой. Завидев их, он с трепетом подбежал:

— В усадьбе не хватает людей, сразу всё вымыть не удастся, может быть...

Император проигнорировал слова старого управляющего. Его длинные пальцы с чёткими суставами крепко обхватили запястье Цинь Няньчжи и потянули за собой вовнутрь.

— Оба раза я приходил сюда в спешке и толком ничего не разглядел. Позволь Няньчжи устроить мне небольшую прогулку.

Цинь Няньчжи помедлил секунду-другую и в конце концов кивнул.

Шагая по шуршащему ковру из опавших листьев, они миновали расписные галереи, просторный зал для приёмов, передний двор и затерялись в тишине задних садов усадьбы Цинь.

Добравшись до развилки дорог, Цинь Няньчжи замер на мгновение, после чего повёл Императора Сюаньхэ по зелёной дорожке, вымощенной синим кирпичом.

Вскоре перед ними предстал запертый на замок внутренний двор. Ржавая цепь выглядела так, будто висела здесь уже немало лет. Её явно срубили топором: обрывки цепи свисали до самой земли, излучая атмосферу запустения и тлена.

— Это и есть Двор Падающего Лотоса, самый большой двор во всём поместье Цинь. Моя матушка при жизни жила здесь.

Она была единственной дочерью богатого сучжоуского купца, семья жила в достатке. Бабушка умерла при родах, дедушка так больше и не женился, балуя мать донельзя. Он раскормил её настолько, что она потеряла всякий страх перед миром и выросла невероятно заносчивой и своенравной.

Дедушка планировал подыскать ей кроткого зятя примака, но она с первого же взгляда влюбилась в моего отца — Цинь Юя.

Мой дед отличался редкой проницательностью: он с одного взгляда раскусил, что Цинь Юй — человек сластолюбивый и корыстный, вовсе не пара для брака, и пытался отговорить её всеми силами.

Но где там! Стоило кому-то наговорить ей ласковых слов, как она вообразила, будто дедушка противится их союзу лишь ради сохранения фамильного очага.

В конце концов старик умер от разрыва сердца, а моя наивная матушка радостно прихватила всё состояние семьи Су и вышла замуж за моего отца, пустив все накопленные поколениями богатства рода Су на прокладку его карьерного пути.

Цинь Няньчжи медленно шагал вперёд, шаг за шагом приближаясь к пруду с лотосами. В начале зимы стебли засохли, превратившись в безжизненные бурые палочки — кругом царило мёртвое запустение.

Картины прошлого одна за другой всплывали перед глазами: радостные, болезненные, полные борьбы и глухой злобы...

Глубоко вздохнув, Цинь Няньчжи выдавил из себя улыбку, повернулся к Императору Сюаньхэ и произнёс:

— Какое-то время они действительно прожили относительно счастливую жизнь. Отец успешно продвигался по службе, у матушки было богатое приданое, жили они вполне благополучно.

Но счастье длилось недолго. Мать узнала о женщине, которую отец содержал на стороне в качестве наложницы. Избалованная и спесивая с детства, разве могла она стерпеть такое? Она лично заявила туда с толпой слуг и подвергла ту несчастную... жесточайшему унижению, в конце концов доведшему до самоубийства.

Ради репутации отец, разумеется, не посмел поднимать шум, но между ним и матерью пробежала трещина, их отношения начали стремительно портиться.

У отца заводилось всё больше любимых наложниц, мать бесновалась от бессилия, устраивая скандалы, которые каждый раз заканчивались взаимным озлоблением.

Так продолжалось до тех пор, пока отец не встретил свою истинную любовь — госпожу Юэ. Ради неё он разогнал всех прочих порхающих птичек, лично привёл её в поместье, а когда та забеременела, всерьёз вознамерился выгнать мою мать и возвысить госпожу Юэ в жёны.

Юноша говорил с безучастным выражением лица, словно рассказывал о чём-то постороннем, но Император Сюаньхэ улавливал в его тоне густую, тяжёлую ненависть — к Цинь Юю, к Ли Ли и даже к самому себе...

Он на мгновение засомневался, стоит ли останавливать его.

Словно заметив внутреннюю борьбу императора, Цинь Няньчжи склонил голову набок и одарил его лучезарной улыбкой:

— Разве Пятый брат не хотел всё узнать?

Император с сомнением слегка кивнул, послушно принимая роль внимательного слушателя.

— Я всегда ненавидел Цинь Хэнчжи. Я завидовал ему, ревновал и даже ненавидел лютой ненавистью.

Он родился в любви и ожиданиях родителей, а я — с точностью до наоборот.

Когда госпожа Юэ забеременела, матушка была вне себя от шока. Потерпев неудачу во множестве попыток расправиться с соперницей, она в конце концов опоила отца лекарством... Так на свет появился я.

Моя мать была невежественной, наивной и злобной душой. Она тщетно надеялась вернуть мужчину, который её не любил, с помощью ребёнка.

Ради этого она не пожалела собственного здоровья, прошла через девять кругов ада, лишь бы родить так называемого законного старшего сына первой жены и укрепить своё положение.

Разумеется, она потерпела фиаско.

Мой отец — горделивый, самовлюбленный, ветреный и жестокосердный — видел во мне пятно на своей репутации, порождение грязного заговора, никчёмную отброс-пустышку, которой суждено умереть в младенчестве, но при этом посмевающую носить титул его старшего законного сына...

А ещё была госпожа Юэ, искренне верившая, что они с Цинь Юем созданы друг для друга, а моё появление стало препятствием на их пути.

Они оба ненавидели меня.

Юноша поник плечами, потупив взгляд, словно не в силах постичь эту тайну, и тихо спросил:

— Все эти годы я бесконечно задавал себе один и тот же вопрос: почему? Почему именно я?

Император не смел и представить, как тяжело, страшно и одиноко было расти в столь извращенной, удушающей атмосфере.

Он протянул руки, прижал его к груди и начал мягко, мерно похлопывать по спине.

Сказав веско и торжественно:

— Дело вовсе не в тебе. Твой отец не желал признавать собственную бессердечность, но ради спасения своей репутации не смел прогнать твою мать, поэтому вымещал всю злобу на тебе.

Твоя мать была ещё более эгоистичной и жестокой: она боялась признать, что полюбила не того человека, но в то же время не желала уступать место главной хозяйки. Не сумев удержать собственного мужа и не имея достаточной хватки, чтобы справиться с наложницами, она переложила всю свою ярость на тебя.

Тебе просто не повезло родиться не в том месте.

Глава 35. Нападение (1)

— Тебе просто не повезло родиться не в том месте.

Прижавшись щекой к груди Императора Сюаньхэ, Цинь Няньчжи задрал голову, глядя на него снизу вверх. Сейчас они стояли до крайности близко друг к другу.

Однако мысли Цинь Няньчжи блуждали где-то далеко, и он не замечал этой двусмысленности. Поразмыслив над услышанным с неожиданной серьёзностью, он вдруг почувствовал странное, парадоксальное утешение:

— Ты абсолютно прав, мне просто не повезло.

Император тихо усмехнулся:

— Ни у кого полоса неудач не длится вечно. Взять хотя бы тебя или меня. Когда-то я был сыном благородной наложницы-гуйфэй, но в один день всё рухнуло: мать покончила с собой, а из двухсот двенадцати сородичей по материнской линии не выжил никто. Меня швырнули в Холодный дворец умирать своей смертью, и даже самый презренный евнух не упускал случая пнуть меня. Все шарахались от меня как от чумы, и лишь ты по-дурацки крутился рядом.

Цинь Няньчжи выпрямился, и в его ясных глазах отразилось глубокое раскаяние:

— Прости, Пятый брат, я вовсе не такой благородный, как ты думаешь. Изначально я хотел составить тебе компанию в Холодном дворце лишь для того, чтобы сбежать от матушки и выжить.

Тогда я был слишком мал, чтобы дать ей отпор, и подумал, что пересидеть в Холодном дворце вместе с тобой — не такая уж плохая идея.

Император потрепал его по макушке:

— Пусть даже ты остался ради собственного спасения, ты отнёсся ко мне искренне, и этого достаточно.

Няньчжи, тогда я сам еле сводил концы с концами и даже не задумывался, почему ты всегда был таким угрюмым и тоскливым...

Цинь Няньчжи внезапно почувствовал лёгкость и улыбнулся:

— Если подумать, мы с Пятым братом оба те еще неудачники. Хм? Да уж, если посмотреть с этой стороны, мой младший брат оказался не намного удачливее меня.

В тот день я понял, что она больше не потерпит меня рядом. Кормилке при ней было уже под пятьдесят, руки и ноги двигались не так шустро, но я даже не пытался увернуться. Столько лет бегать — я смертельно устал.

Я упал в пруд. Вода была ледяной, пробирающей до костей, но мне казалось, что умереть вот так — даже неплохо, наконец-то наступит избавление.

Но этот назойливый тип всё испортил. Он изо всех сил пытался вытащить меня. Хотя он с детства занимался боевыми искусствами и был крепок для своих лет, он оставался всего лишь десятилетним мальчишкой. А кормилка на берегу пакостила изо всех сил, пытаясь утопить нас обоих.

Я чувствовал себя водяной травой, плывущей по течению или готовой камнем пойти на дно. А он бился, как неутомимый буйвол, разъяренный до предела, взбаламутив весь пруд, и предпочёл бы утащить эту ведьму за собой на дно, лишь бы вытащить меня.

Император неожиданно проникся благодарностью к второму Циню и крепко сжал плечо Цинь Няньчжи:

— Всё прошло. Няньчжи, больше никто и никогда не сможет причинить тебе боль.

— Всё, что он делал, я осознавал. Хотя я и находился в полубессознательном состоянии, искра разума теплилась, и я прекрасно понимал: это он толкнул матушку, спровоцировав преждевременные роды.

Но когда я очнулся, то притворился, будто ничего не знаю, и просто спровадил его подальше.

Император не был мастером красноречия, а холодный ветер делал пейзаж у пруда ещё более унылым. Цинь Няньчжи развернулся и сошёл с арочного мостика:

— Пятый брат, я отведу тебя в другое место.

Император чутко уловил в голосе юноши лёгкий привкус отвращения и страха, но подумал, что сегодняшний день может стать идеальной возможностью позволить Няньчжи навсегда отпустить прошлое, и потому не стал возражать.

Они вошли во внутренние покои и направились напрямик в кабинет. Двор был заброшен долгие годы, а незадолго до этого ещё и подвергся обыску, превратившись в совершенный бедлам.

Остановившись у книжного шкафа, где стражники уже провели обыск, они увидели полуоткрытую дверь тайной комнаты — из проёма вниз уходила каменная лестница.

— В детстве меня частенько запирали здесь. Тогда мне казалось, что это место необъятное, мрачное и жуткое, а сейчас — ничего особенного...

Я прятал здесь Цинь Хэнчжи как раз с той мыслью, что во время очередного заточения мне будет с кем разделить одиночество.

Пятый брат, неужели я такой скверный...

Император тут же возразил:

— Ну как ты можешь такое говорить?

<http://bllate.org/book/18871/1842379>